

The background of the entire image is a close-up photograph of green grass blades. The blades are covered in numerous small, clear dew drops that catch the light, creating a sparkling effect. The lighting is soft and diffused, highlighting the texture of the grass and the spherical shape of the water droplets. A central text box is overlaid on the image, containing the author's name, the title, and the genre.

НАДЕЖДА СКОРНЯКОВА

СЕРЕБРО НА ИЗУМРУДАХ

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Надежда Скорнякова

Серебро на изумрудах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713327

ISBN 9785447455934

Аннотация

Пейзажная лирика? Наверное, пейзажной лирики не существует, а есть диалог человека и природы. Детская особенность болтать с птицами и деревьями, переводя их речь на человеческий язык. Все подмечается и измеряется, получает свое название с помощью сравнения, образа. Ведь для поэта нет мертвой природы. Все полно жизни. Но и природа призвана перевести в слова его внутренний мир, его волнения и переживания. В этом причудливом симбиозе, в этом бесконечном диалоге рождаются истинные шедевры.

Содержание

Весна	9
Небо в пальто	9
Без недели весна	11
Серебро на изумрудах	12
Спешу поделиться теплом	13
Туманный рассвет	14
Седьмой сон	15
Из марта в май	18
Надо мною колышется море трав...	19
Весенний дождь	20
Крылатая кора	22
Майский ливень	23
Грязь – не беда	24
Весеннее солнце	25
Третьи сутки туман	26
Дорог нехоженных река	27
Замерло...	28
Старые ступени	29
Ночь	30
Старый абрикос	31
Акварельная сирень	32
После грозы	33
Капризы погоды	34

Весна	35
Весенний снег	36
Шло счастье по грани тонкой...	37
В бело-зеленом	38
Мотылек	39
Какая ночь!	41
Весенняя гроза	42
Ромашковое поле	43
Дождь в горах	44
Весеннее море	45
Жасмин	46
Соловей	47
Маки	48
Акация	49
Майская ночь	50
Выйди в ночь...	51
Вечер. Май. Гроза	53
Представь...	54
Сирень	55
Васильки	56
Лето	57
Сквозь твердь потолка...	57
Три бесконечности	58
Первый летний дождь	59
Акварельные маки	60
Миллионы солнц	61

Звезды под ногами	62
Смородина	63
Южная ночь	64
Полдень у моря	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Серебро на изумрудах

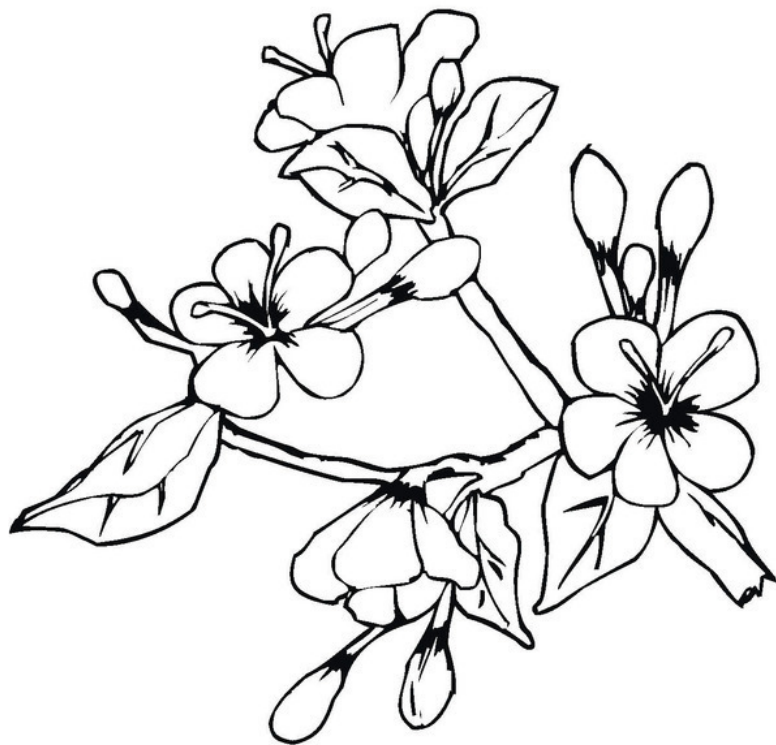
Поэтический сборник

Надежда Скорнякова

© Надежда Скорнякова, 2016

© Надежда Селикова, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

Небо в пальто

Я хочу, чтоб в пальто василькового цвета,
Солнца брошь на груди поправляя небрежно,
Шло по улицам небо, и талая снежность
Расступалась, походкой летящей согрета.

Я хочу, чтобы в этом неожиданном показе
Модных трендов весны стало стуже неловко,
Что она до сих пор шьет безвкусовые стразы
На свои без того белоснежные кофты.

Васильковые полы пальто с брошью солнца
На лацкане под вечер раскроют подкладу,
А она – что агат, и по глади оконца
В заповедье – расшитые звездные взгляды.

Не смотря на морозность, с душой на распашку,
На которой дугой обновленная лунность,
Будет небо гулять по проспектам бесстрашно
В час ночной... Не могла ж я все это придумать?

Я в фантазиях вязну, мне прямо сказали,

И мешаю их с прошлым и даже грядущим...
Неужели ж вы небо в пальто не видали
С брошью солнца по городу гордо идущим?

Без недели весна

Без недели весна. Съежась, снег отступает,
Среброгласость ручьев оставляя взамен.
Парк, очнувшись от сна, деревья расправляет.
Ветви почки качают и ждут перемен.

Щебет птиц оглушает. Синицы в ударе.
Льется трель, слава первый рожденный листок.
Ей внимая, вздыхают влюбленные пары,
И влюбится спешат те, кто все одинок.

Солнца диск золотой призывает прохожих
Грезить вешним теплом не во сне, наяву,
А березы своей белоснежную кожей
Оттеньют отмытых небес синеву.

Серебро на изумрудах

Росой усыпаны, к земле клонятся травы.
И истина древнейшая как мир
Сокрыта в их движении величавом:
Природа – самый лучший ювелир!

Блестящих капель наблюдая чудо,
Что утро в травы раскидало на заре,
Я понимаю, серебро на изумрудах
На пальцах краше изумрудов в серебре.

Спешу поделиться теплом

Спешу поделиться теплом. Распогодилось.
Термометр в плюсе сегодня с утра.
Ледовый сугроб, распрощавшийся с гордостью,
Рыдает вздохом, не скрывая утрат.

Нахально не в меру ретивая лужица
Залезла в ботинок. И хнычет носок,
Что с нею ни в жизнь, ни за что не подружится.
От гостьи незваной итак он промок.

На все голоса раскричались пернатые,
Устав от мороза таиться в тиши.
И все встрепелось. По небу заплатами
Бегут облака. На задворках души

И то, не смотря на тенек, оживление.
На сердце трещит в предвкушении ледок.
Спешу эстафетой вам чувства весенние
Скорей передать между букв, между строк.

Туманный рассвет

Шагну, дыханье робко затая,
В сиреневость туманного рассвета,
Шепнув туману: – Здравствуй. Это я.
И я в упрек тебе легко одета.

Ты распусти на росы плотный шарф,
Намотанный на улицы с лихвою,
И выпусти на волю солнца шар,
Чтоб выплыл в синеве над головою.

Озябли пальцы от твоих тенет,
И сырость нагло лезет под одежду.
Не вздумай только мне ответить нет,
Не отнимай на ясный день надежду.

Весна пробралась в сердце, не таясь.
И от того, не под сезон одета,
Шагнула я, дыханье затая,
В сиреневость туманного рассвета.

Седьмой сон

I

Затеплилась весна.
Забытый старый дом
Дает мне знак,
Что он со мной знаком.
Зовет войти, распахивая дверь.
Скрип петель говорит:
– Поверь
В реальность
И доверься снам.

II

Окна распахнуты в сад.
Яблоня тянется к травам,
Осыпая цвет. Справа
На подоконнике
Замер букет
Сирени. Тихонько
Колышутся шторы.
И далекое море
В колыбели качает закат.

III

Зной не выжег пока
Свою метку на склонах.

Зеленым
Кажется мир за пределом
Оконного створа.
Лишь белым
В нем ворох
Лепестков кружит
От ветерка.

IV
Воздух тонок,
Легкой дымкой
Плывет над оградой.
Где-то плачет ребенок.
Плач вязнет в листве
Одичавшего сада.
Тощий кот
Невидимкой
Скользит в траве.

V
Вновь дом. И сад
Грозится урожаем.
Висят
На ветках, алым боком
Сверкая,
Яблоки. Был дождь.
Точней гроза. На тонких
Стебельках цветов,
Застыли капли.

VI

Вновь сцена сменилась.
В ней осень. И лист,
Не спеша,
Завершает полет на земле.
Мир светел и чист.
В нем душа отдыхает от зноя.
Всей грудью вдыхая
Туманы и дым костров,
Успокоюсь.

VII

Зима. Поют половицы, шаги
Заглушая собой. И запах
Пьянит. В нем
Что-то
Из раннего детства
До боли родное. – Беги! —
Сознание кричит. – Днем
Память сожмет в цепких лапах!
Да некуда деться...

Из марта в май

Ночь южная в преддверье первая
Украсила цветами спящий город —
Гирляндами сиреневых глициний
Увешаны и стены, и заборы,

Оплывшие каштановые свечи
В листвы подсвечниках над улицей парят
И лепестков вишневых мотыльки
Роятся в робком свете фонаря...

Весна... Весна... Опять не спится мне...
Да как тут спать, когда такое дело...
Опять на встречу ветреной луне
Бреду... Опять мне в доме не сиделось...

Как тут уснешь, когда влетая в окна,
Не умолкают до утра пернатых трели?
Бродить до самого утра мне интересней
Из марта в май по улицам апреля!

Надо мною колышется море трав...

Надо мною колышется море трав.
А над, ним тела свои распластав,
В душу впившейся до одури синеве,
Проглотившее заживо солнца свет,
Облако, похожее на состав.

И представила живо я поезда,
Что по рельсам небесным бегут туда,
Где кончается видимый взору край,
И за край бегут они в звездный рай,
Замерзая в космосе в глыбы льда.

И весь космос наполнился этим льдом,
Так, что звезды мигают уже с трудом.
До того мне сделалось невольно,
Что я звезд не увижу, лишь пустоту,
Что я воздух глотала как рыба ртом.

Весенний дождь

С утра зарядило. Пускаюсь
Бродить без зонта. Не беда,
Что вещи в момент промокают.
Просохнут – ведь это вода.

Безумье стихии стирает
Границу меж явью и сном,
И я в нем душой растворяюсь,
Став этим весенним дождем.

Мой приступ горяч и неистов.
Сняв тела навязчивый гнет,
Я бью по истерзанным листьям,
Смывая с них пыльный налет.

Я реками движусь по плитам,
В моря обращаясь легко.
Я – дождь. Я теперь многолика.
И мне не придумать оков.

Вне времени, вне категорий
Я буйствую, ветром ярясь.
А тучи, вздымаясь как горы,
Все прочат стихийную страсть...

...Стук капель – великая малость.
Лишь душу ты им растревожь,
И кажется, что не осталось
Иного на свете. Я – дождь.

Крылатая кора

В синь, в вышину уходят ветви исполина
(Пред ним песчинка среди прочих – человек).
Двуногих многих в своей жизни длинной
Встречал он, пережив давно их век.

Но вот один нашелся среди прочих,
Поймал момент – и оба в вечность шаг
Свой сделали – двуногий и безногий,
А все крыла лазоревого взмах.

Морщинистая кожа великана
Истрепана следами прошлых бурь,
Но скрыла плоти обнаженной раны
Цветов живых воздушная лазурь.

И восхищая всех, кто ищет взглядом
Прекрасное среди рутины дней,
Крылатая кора – для глаз отрада —
Взор привлекает необычностью своей.

Майский ливень

Расплескалось небо на лице —
Первый ливень с громом, майский, теплый,
Шествует в сияющем венце
Молний по асфальту и по стеклам,
По аллеям и по площадям,
По колену утопая в пенных реках.
И в плену у майского дождя
Ощуцаю прежнюю себя —
Самым счастливым человеком.

Грязь – не беда

Что снег растаял, и вокруг лишь лужи
И грязь остались после зимних выюг,
Пусть не печалит Вас, мой милый друг!
Земля, очнувшись после долгой стужи,

Сияющему солнцу с синевы
Еще споет свои цветенья песни.
Грязь – не беда! Она – предвестник
Цветов весенних, листьев и травы!

Весеннее солнце

Шаровую молнией, меж ветвей замерзших
На-гора взбирается выше в небо солнце.

А весна-красавица распахнула шубу,
Деревца укутала, ей деревья любви.

Скоро все изменится, побегут ручьи,
В проталинах подснежники зажгут глаза свои...

Пусть порой не верится, что придет весна,
Ты спроси у деревца, очнулось ли от сна,

И увидев легкое качание ветвей,
Его верой в теплое душу отогрей.

Третьи сутки туман

Третьи сутки туман. Небо бродит меж стен,
Меж кустов и деревьев, не в силах подняться.
Его мягкий и белый навязчивый плен
Растворяет предметы. И стало казаться,

Что весь мир утонул в облаках неспроста.
Неспроста третий день бродит небо все ниже.
Одиночества давит его высота,
И стремится оно к людям сделаться ближе.

Дорог нехоженных река

Травы некошеной
Полны, шумят луга.
Дорог нехоженных
По ним течет река.

Там волны россыпью
Гуляют на ветру.
По пояс в брод брести,
Не выгрести к утру.

В нее с разбегу бы
Без огляду нырнуть,
В медвяном омуте
Беспечно утонуть

И, васильковый цвет
Сминая головой,
В жужжании пчел
Сближаться с неба синевой...

Замерло...

Замерло. Затихло. Затаилось
Все, что днем стремительным ключом
В чаше жизни сумасшедшей билось,
Солнце лампы заменив свечой.

Ночь укрыла город до рассвета,
Сбросив шелуху его сует.
И как мелкую блестящую монету
Я кручу в озябших пальцах свет.

Старые ступени

Кривые, щербатые, словно рояля
Звучащие клавиши – свет с полутьмой,
Ступени истерты вверх поднимали
Куда-то в не здесь с ледяной мостовой.

И свет от оконца, их медью залившего,
Все только и мог – добавлял торжества,
Маня за собою невольно ступившего
В расставленный кем-то капкан волшебства.

Ночь

Чернильной кляксой ночь по небу растеклась.
Померкли краски дня. Повсюду правит темень.
С небесным ЖКХ стремлюсь наладить связь.
В ответ моим потокам возмущений

Фонарщик поднебесный, облаками хмурясь,
Свой перекур закончив, над землей зажег
Фонарь луны в плетеном веток абажуре
О первых звезд дрожащий огонек.

Старый абрикос

Вроставший в землю, обветшалый дом
Был куплен, чтоб его пустить под снос.
Снесли его, и новый возведен,
Но во дворе остался старый абрикос.

Средь металлических лесов, в асфальт
И мусор искривленный стан вонзая,
Цветеньем буйным радость, и печаль
В моей душе уставшей он рождает.

Меня печалит то, что он в цвету
Так неуместен средь строительных отходов.
А радуется, что эту красоту
И через мусор донести смогла природа.

Акварельная сирень

Выводит кисти кисть, в кисти руки зажата.
И нежных лепестков уж виден силуэт.
Рисует человек цветов живых портрет.
Цвет передан отлично, но вот запах...

В листа навеки заключая полотно,
Поймал прекрасное как птицу в клеть художник.
Цветет сирень – искусства высшего заложник —
Ей не дано увянуть... И пахнуть не дано...

После грозы

Тучи мчатся, свинцовые, грозные.
А под ними как нежный зефир
Белоснежный, сверкающий мир —
Облака невесомыми гроздьями.

Солнце вышло, умывшись грозой,
И в порыве безудержной радости
Расплескало огромную радугу
Так, что в пору объять шар земной.

В тот же миг ожило все кругом.
Всюду стало прохладно и чисто.
Лишь шумят возмущенные листья,
Растревоженные ветерком.

Капризы погоды

Вчера была весна, а нынче пчел
Слепяще-белых рой кружит, кусая.
Весна – она капризная такая:
То ясен день, то дождь, то снег пошел.

Весна

Это мой город, и нынче в нем бродит весна,
Мутных витрин омывая усталые очи
Первым дождем. И все ближе беспечные ночи,
Те, под покровом которых совсем не до сна.

Все еще серо, но повода плакаться нет.
Видишь, на ветках меж капель набухшие почки.
Скоро они оживут, обнажая листочки.
Ну а иные, сначала распустятся в цвет,

И аромат, разойдясь, опоит допьяна...
Предвосхищая грядущие дивные ночи,
Мутных витрин омывая усталые очи
Первым дождем, в моем городе бродит весна...

Весенний снег

Сегодня с утра неожиданно снег закружил,
И зимние пчелки порхали над садом в цвету.
Карнизы ревели навзрыд. И их слез перестук
(Не знаю зачем, от чего?), но, однако, был мил.

Казалось, ведь плачут, страдают – сочувствуй.
Ан, нет.

Предчувствие солнца и временность снега —
в них соль.

И я, в ожидании чуда, не чувствую боль.
Тем паче – чужую. Ну что мне дерев этих цвет?

Зачем, опьянившись моментом, обжечься в мороз?
Весна, как любовь.

В ней обманы все чаще в чести.

Уж лучше и вовсе тогда не любить, не цвести,
Чем гибнуть под снегом
под стук чьих-то искренних слез.

Шло счастье по грани тонкой...

Шло счастье по грани тонкой,
И я наслаждалась моментом,
Ворвавшимся в день спонтанно —
Меня обнимало солнце,
Вода кружевной лентой
Вздымалась над чашей фонтана;

Каштаны качали свечи
В ветвей резном абажуре;
Тюльпаны траве на плечи
Клонили свои фигуры;
И ветер в листве резвился
В порыве сиюсекундном...

И мир мне казался юным,
Так, словно сейчас родился...

В бело-зеленом

В бело-зеленом бродит день в разливе трав,
Качает колос в колыбели на ветру.
И если в этот день, случится так, умру,
То не замечу, и ладони распластав,

(Точнее то, чем заменяет их душа)
Шагну навстречу дню в желаньи слиться с ним
И стать частицею его. Необъясним
В глазах чужих, пожалуй, будет этот шаг.

Что в нем такого, в этом дне, чтоб умирать?
Я просто счастлива. Без всяческих преград.

Мотылек

Легким взмахом крыла,
оживленный дыханием лета,
Оторвавшись от веток,
вспорхнул над листьями цветов.

– Как такое возможно?

Виновен, наверное, ветер?

– Нет. Тут ветер безвинен.

Оживший цветок – мотылек.

Красок взять у природы
еще не решившийся в досталь,
Неприметно окрашен.

А попросту выразить – бел.

Но, возможно, в том скрытая прелесть,
что платье неброско.

Ведь его превосходство над прочими —
первым посмел.

И кружит над айвой
оживленный дыханием лета,
Неприметный крылатый цветок,
вдохновляя меня
Позабывать все заботы,
проблемы, причины, приметы,
И отдаться весне без остатка...

До самого дна...

Какая ночь!

Какая ночь – тонка, прозрачна и легка!
Я созерцаю в ней движение ветвей.
Они качают в новорожденной листве
Своей луну, чтоб той спалось во все бока.

Меж листьев, вычерненных сумраком дотла,
Сияют звезды в ледящей их красе.
И свет фонарный туже затянул корсет,
Чтоб тьма аллеями без шорохов прошла.

Какая ночь! В ней места нет для прочих дел.
Лишь созерцание – мечтателя удел.

Весенняя гроза

Ветер ветви без жалости бьет,
Рвет еще неокрепшие листья.
Это май. В нем прописаны ливни.
(Пусть на птичьих правах, что не в счет.)

Грянет гром. Капли, в танце зайдясь,
Наступая друг дружке на пятки,
Вмиг свои установят порядки,
Молний гребнем на прядки делясь.

Растекутся, сначала – ручьи,
После – реки, затем – океаны...
Но раздвинет светило экраны
Туч, вернувши чертоги свои.

Был недолог, увы, ливня пляс.
Затишают раскатов аккорды.
Над небесною нивой, как кода,
Семицветье восходит, смеясь.

Ромашковое поле

Словно вход в измеренье другое —
Поле цветиков, хрупких и нежных,
Меж вершин изгибаясь дугою,
Дарит людям любовь и надежду.

В нем, замыслив великое дело
Этот мир изменить в одночасье,
Средь ромашек, пьянительно-белых
Тихо бродит беспечное счастье.

И на зов откликаются люди.
Покидая асфальтного змея,
Всей душой открываются чуду,
Кто как может и кто как умеет.

Собирают охапками волю,
Так чтоб досталась и даже за гранью,
И уносят ромашковость поля —
Кто в руках, кто в душе — непрестанно.

Дождь в горах

Дождь в горах. Какое совершенство.
Гнутся ветви, тяжести вкусив.
Испытав наполненность, в блаженстве
Ручейки на рек поют мотив.

Небо по траве росинки крошит,
С гор свисает прядями туман,
И в дожде затерянная лошадь
Пьет покой ромашковых полян.

Весеннее море

Манят вновь за собой меня ленты дорог,
Пробудив от заснеженных снов.
Я хочу, чтобы море искрилось у ног,
Оживая от зимних штормов,

Чтобы чайки кружили, садясь на причал
В ожиданьи, встречая суда...
Чтобы ктонибудь тоже вот так меня ждал,
Растопив многоличие льда...

Жасмин

Белый дым жасмин опутал. Белый дым.
Белый дым разносит ветер на крыле.
Стало небо не лазоревым – седым.
Дым как пепел оседает на земле.

Быть грозе, и небо молния прожжет.
Но останется в сгущающейся мгле
Белый дым. Жасмин над миром понесет
Белый пепел лепестков в листвы золе.

Соловей

Вечер размещал жасмин с шиповником,
В вареве светило утопив.
Вновь с ветвей тоскующим любовником
Соловей выводит свой мотив.

Жарок май июльски. Грозы прячутся.
Выплакались, видно, в прошлых днях.
Вот и мне под пение не плачется.
Плачь, певец пернатый, за меня...

Маки

По откосам полощутся флаги.
Это, праздная лета приход,
Расщедрился на алые маки
Май, путей совершая обход.

От чего раскраснелись бедняги?
От волнения, не от стыда.
Провожают на насыпях маки
В дальний, ближний ли путь поезда.

Только тонкие ноженьки гнутся,
Только ветер им рвет лепестки:
— Пусть вернутся они... Пусть вернутся
Подарить нам тепло от руки...

Сколько нежности в них и отваги —
Полыхают в траве, но не жгут...
По откосам полощутся флаги...
Это алые маки цветут...

Акация

Акации гроздь вновь пьянит ароматом.

Кружат лепестки, мне напомнив отца...

А разум пугает, дразня невозвратом

Цветения из детства резного ларьца...

И душит меня этот белый дурман...

Я жадно вдыхаю иллюзий обман...

Майская ночь

Остыли улицы. Не пышет жаром
Асфальт. Шагает ночь хмельна
По мостовым и по бульварам...
Весна...

Выйди в ночь...

Выйди в ночь по незримой тропинке,
По ступеням теней и ветвей
И с чернеющим небом в обнимку
Отрекись от заботы полей.

Холить всходы, стремясь к урожаю —
Лунным путникам, знать, не дано.
Холод звезд их глаза отражают.
Отогреть их стараться – смешно...

Ты шагни в этот мир по тропинке,
По ветвям и теням, и поймешь —
Что правдивы лишь звездные льдинки
В эту южную майскую ложь.

И, как сильно тебя не просили б,
Не смотри на оставленный край.
В нем тебя бы по осень скосили,
Поминая цветенье и май.

Лучше вверх, без оглядки, без страха,
К тем, кто ценит покой и простор,
К тем, кто словно просыпанный сахар
Из крупинок слагает узор,

К лику, что, не пройдя половину,
Серебрит молодые рога...
Пусть качается веткой жасмина
Над тропинкой созвездий дуга...

Вечер. Май. Гроза

Ветер. Всполохи. Раскаты.

Пыль летит в глаза,

Исчезая в танце капель.

Вечер. Май. Гроза.

Представь...

Представь перед мысленным взором
Своим беззатейную глушь,
Цвет яблонь за шатким забором,
Дорогу в бездонности луж,
Домишко, что ждет, подбочинясь,
Хозяев, окон слепоту,
И песню двери, без причины
Зовущую в глубь, в пустоту.
Зовущую жизнью заполнить
Косые четыре угла,
Прогнать из тоскующих комнат
И эхо, и пыль со стола...
Ты слышишь, как плачет калитка,
Петель проржавевших стыдась?
Ты знаешь, что было б ошибкой
Сейчас оборвать эту связь?
Ты чувствуешь запах покоя?
Ты хочешь обнять тишину?
Тогда не одна я. Нас двое
У этого дома в плену.

Сирень

Отягченная вешним дождем,
Гнется тонкая ветка сирени.
Боль никто не поймет, не оценит,
Не стряхнет, распрямивши излом.

Отряхнувши, замочишь наряд.
Без того вездесущая сырость.
Ждать уставши, не требует милость
От прохожих, что мимо спешат.

Но не вечен дождей вешний ход.
Расщедрится на солнце погода.
И, избавивши листья от гнета,
Лишь пышнее сирень расцветет.

Васильки

Разлетелось небо на осколки.
(Может, жар виновен, нет – гроза)
Лепестки раскрыли как иголки
Синие цветочные глаза.

И упрямо спорят с небесами,
Кто и чей себе присвоил цвет:
То ли небо их глядит глазами,
То ли их глаза – ему ответ.

Лето

Сквозь твердь потолка...

Сквозь твердь потолка
И давно обветшалую крышу
Закрывши глаза,
Я упрямо тянусь в вышину.
Отринув привычные
Сенсоры мира, я вижу
Незримое глазом
И в этой картине тону.

Все прочее кануло в бездну
За гранью сознания.
Забыта Земля
И на ней опустевший мой дом.
Остались лишь звезды,
Как дыры в холсте мироздания...
И ветер,
Как лучшая музыка в мире земном...

Три бесконечности

В этом мире, состоящем из вещей,
Только три навек приковывают взгляд:
Как горит огонь, как движется ручей
И как звезды со вселенной говорят...

Первый летний дождь

Утро нынче дождливое выдалось.
Небо реками под ноги вылилось,
Но на этом потоке не выдохлось,
Капель танцем по окнам шурша.

И в потоках воды мне привиделось,
Как ростком поднимаясь стремительно
Из иссохшей под солнцем обители,
Под дождем оживает душа.

Акварельные маки

Рассыпались ранами маки.
Из вазы пунцовой волной
Сочится по плоти бумаги
Их цвет красоты неземной.

Под кистью застыло мгновенье.
Распятые как на кресте,
Нисходят в свое воскресенье
На белом бумажном листе.

И этим алеющим бликом
Усталый мой взор пригвожден.
Стою, заморожена ликом.
Не надо других мне икон.

Миллионы солнц

От жара над асфальтом как завеса
Трепещет марево, размыв предметов ясность.
Шумит и льнет к дороге поле страстно,
С холмов стекая меж полосок леса.

В нем миллионы солнц, июль встречая,
Зажглись, согрев собою синь без жара,
И провожают круговое шара
По небу шествие, стократно отражая.

Звезды под ногами

Лужи – словно мироздания дыры.
Плавит ими плоскость мостовой.
Покидают космоса квартиры
Те, что были лишь над головой.

Небо на асфальте под ногами.
В эту ночь я с ним накоротке.
Звезды разбегаются кругами,
Нанизавшись в гроздь на каблуке.

Смородина

Поутру лето заглянуло в сад,
Бродило меж кустами по дорожкам
И спелых ягод полное лукошко
Собрало. Гроздья алые горят,
Забывшие беспечно на порожке.

Хозяева проснутся. Выйдут в сени.
Глаза спросонок кулаком протрут.
И обомлеют враз от удивленья
– Кто ж им оставил это угощенье?
А это лето здесь бродило поутру.

Южная ночь

Зной отступил, поддавшись ласкам ночи.
В ней звездных глаз на небе без числа,
И катится луна белым бела,
На глади моря выводя небрежный росчерк.

Цикады смолкли, уступая тишине
Иной, в которой шорохи и всплески.
От ветерка трепещут занавески,
Шепча забытые предания о сне.

И не уснуть... Такая благодать...
Кружатся запахи магнолии и хвои
В остывшем воздухе, наполненном покоем,
Бессонницу способном оправдать...

Полдень у моря

Солнечный путь переливами выстелен.

В воздухе запах сосны.

Лодка телянком пасется у пристани,

Зелень щипая волны.

Зноем полуденным ополусонненный,

Дремлет морской городок.

Только листвою забавляется, пойманный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.